

XX СЪЕЗД КПСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Автор: В. Л. ШЕЙНИС

Прошло полвека после XX съезда КПСС - единственной тогда партии в СССР. Чем он был? Одним из "исторических" съездов, канувших в Лету вместе с этой партией? Или прав А. Микоян, считавший этот съезд самым важным после смерти В. Ленина? [XX съезд... 1956, с. 328]. И даже более того - не обозначил ли этот съезд начало конца исторического эксперимента, запущенного в 1917 г.? И тогда можно сказать, что это такая веха в истории нашей страны, которая делит ее советский период примерно пополам.

Так чем же отличался XX съезд от других парадно-ритуальных собраний, с которых задолго до того исчезла политическая дискуссия, а важные решения в лучшем случае объявлялись и единодушно одобрялись? Скучающие делегаты много часов выслушивали информацию о сроках расстила льна, трудозатратах на гектар табачной плантации, о количестве культиваторов, дисковых борон и сеялок на одну тракторную бригаду и тому подобные отчеты ораторов.

Правда, на этот раз отчетный доклад содержал несколько рассуждений, призванных подправить самые задубевшие идеологические штампы [XX съезд... 1956, с. 33 - 41]. В частности, признавалось, что, хотя согласно великому учению, империализм неизбежно порождает войны, растут силы, способные будущую войну если не предотвратить, то отсрочить. Разумеется, сложившаяся традиция требовала от делегатов прославления этого и других открытий, несомненно, представлявших тогда "творческое развитие марксистско-ленинской теории". Все же о том, сколь глубок был для того времени этот идейный прорыв, можно судить по подвергнутому на съезде критике высказыванию Г. Маленкова об опасности и для стран социализма мировой войны, которая может привести к гибели всей цивилизации, ибо, согласно марксистско-ленинской теории, в этом случае погибнет лишь капитализм, а победа социализма во всем мире неизбежна [XX съезд... 1956, с. 23 - 24].

На общем фоне заметно выделялась речь Микояна, первым выступившего с критикой И. Сталина. Хотя и здесь не обошлось без бесконечных ссылок на Ленина, который "был прав во всех случаях" и без обращения к которому "не понять современного положения мира". Микоян сказал также, что капитализм, несмотря на загнивание и общий кризис, способен развиваться, что наши экономисты "скользят по поверхности", а статистические данные "находятся за семью печатями в ЦСУ". "Краткий курс" истории партии (на который опирались преподавание истории и вся сеть "партийного просвещения"), - продолжал оратор, - неудовлетворителен, а объяснение противоречивых собы-

Шейнис Виктор Леонидович - доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

тий нашего прошлого вредительством "врагов народа", многие из которых врагами вовсе не были, - не что иное, как "историческая писанина". Философы также "в большом долгу перед партией", а недоработки юристов пришлось выправлять ЦК партии, восстановившему "ленинскую социалистическую законность" [XX съезд... 1956, с. 313, 323 - 327]. Произнесенная на третий день работы съезда речь Микояна настолько выбивалась из принятой тональности партийной пропаганды, что в перерыве его встревоженный брат, тоже делегат съезда, стал выговаривать: "Анастас, ты зря эту речь сказал. Ты по существу был прав, но многие делегаты недовольны тобой, ругают тебя. Для чего ты так напал на Сталина?" [Микоян, 1999, с. 594 - 595].

Но делегаты еще не знали, какая "бомба" уготована им в последний день съезда. Речь, конечно, идет о докладе Н. Хрущева на закрытом заседании съезда. Уже в 1953 г., и особенно после ареста Л. Берии, перед "коллективным руководством" партии встала проблема освобождения и реабилитации несправедливо осужденных политзаключенных. Люди, пережившие ад сталинских лагерей, почувствовав перемены, стали обращаться к новым руководителям. Сначала решения принимались по отдельным лицам, хорошо известным по прежней работе, и на самом высоком уровне. Первые такие решения были приняты уже в марте 1953 г. В 1954 - 1955 гг. процесс амнистий, освобождений и партийных реабилитаций ускорился. Ряд постановлений облегчал режим для некоторых категорий "спецпереселенцев". Осенью 1955 г. органы прокуратуры, КГБ и МВД начали общий пересмотр дел 1936 - 1939 гг. Генеральный прокурор Р. Руденко докладывал Хрущеву, что "с юридической точки зрения не было оснований" для массовых арестов в эти годы, "не говоря уж о казнях" [Таубман, 2005, с. 305].

В последний день 1955 г. Президиум ЦК учредил "Комиссию ЦК КПСС для установления причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии". В состав комиссии вошли секретари ЦК КПСС П. Пospelов и А. Аристов, председатель Комитета партийного контроля Н. Шверник и его заместитель П. Комаров - партийные руководители второго ранга [Реабилитация... 2000, с. 296, 409 - 410]. Возглавил комиссию "простаалински настроенный", по аттестации Микояна¹, Пospelов. Его свидетельство, по замыслу Хрущева, должно было обезоружить тех членов Президиума, которые пытались сдержать процесс реабилитации и решительно возражали против того, чтобы разоблачения коснулись Сталина². 30 января 1956 г. Президиум ЦК по предложению Хрущева принял решение о создании и командировании в лагеря партийных комиссий, наделенных Президиумом Верховного Совета СССР полномочиями принимать решения об освобождении политзаключенных [Президиум... 2003, с. 94, 919 - 920].

Читая ныне опубликованные отрывочные рабочие протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС, можно только поражаться, с какой настойчивостью и тактическим мастерством Хрущев преодолевал сопротивление ближайших соратников Сталина - К. Ворошилова, В. Молотова, Л. Кагановича, раскалывал оппонентов, привлекал на свою сторону колеблющихся и в конце концов добивался принятия нужных ему решений. Вопрос об ответственности Сталина за массовые незаконные репрессии замалчивать становилось все труднее. Впервые Президиум обсуждал предложения о вынесении на съезд вопроса "о культе личности Сталина" 1 февраля 1956 г. Подводя итог дискуссии, Хрущев сказал: "Сталин, преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял". Но далее: "На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию - отвести Сталину свое место" [Президиум... 2003, с. 95 - 97]. По-видимому, к такому консенсусу пришла руководящая верхушка партии к этому времени.

¹ А "если комиссия будет работать неправильно, то мы вмешаемся", - сказал Хрущев Микояну [Микоян, 1999, с. 592].

² Например, когда на заседании Президиума оглашалось письмо реабилитированной большевички О. Шатуновской, К. Ворошилов, не дослушав, воскликнул: "Ложь!" [Президиум... 2003, с. 79].

Но 9 февраля 1956 г. комиссия Пospelова представила в Президиум ЦК обстоятельный доклад о размахе и свирепости террора в 1930-х гг. В тот же день, опираясь на поддержку Микояна, М. Сабурова и М. Первухина, Хрущев добился принципиально изменившего предшествующую диспозицию решения о том, что он выступит с докладом о культе личности на закрытом заседании съезда [Президиум... 2003, с. 98 - 103; Реабилитация... 2000, с. 352].

18 февраля во время съезда Пospelов и Аристов передали Хрущеву проект доклада. В него были включены некоторые "задиктовки" Первого секретаря, в том числе рассказ о событиях, выходящих за хронологические рамки первоначального доклада комиссии: Сталин на войне, в послевоенные годы и т.д. Одновременно по поручению Хрущева текст дорабатывал секретарь ЦК КПСС Д. Шепилов, который в то время пользовался большим доверием лидера [Реабилитация... 2000; И примкнувший... 1998, с. 124- 126]. 23 февраля членам, кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК КПСС был направлен последний вариант доклада. До заседания, на котором его предстояло произнести, оставалось два дня. Однако добиться согласия сталинистов в Президиуме на оглашение **такого** доклада не удалось. И тогда Хрущев предпринял давно уже не практиковавшийся в этой партии, можно сказать - ленинский, прием: он пригрозил, что через голову Президиума обратится к съезду с вопросом: готовы ли делегаты выслушать его доклад? "Такой доклад, - настаивал он, - можно сделать только сейчас, на XX съезде. На XXI будет уже поздно, если мы вообще сумеем дожить до того времени и с нас не потребуют ответа раньше". Противники Хрущева, осознав, что проиграли, капитулировали [Хрущев, 1997, с. 292 - 294; Микоян, 1999, с. 594]. На этом закончилась предыстория доклада, и он был обнародован 25 февраля. Но затем произошло самое главное.

Завершая свое выступление, Хрущев сказал: "Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв" [Известия... 1989, с. 165]. Нетрудно представить, почему делегаты, приученные свято хранить "партийную тайну", выслушав сенсационные разоблачения, встретили эти слова бурными аплодисментами (если верить стенограмме). Собирался ли тогда Хрущев хранить сказанное в тайне или это был его очередной маневр, до поры скрывавший замысел, сказать трудно. 1 марта текст доклада, предназначенный для оглашения в партийных организациях, с небольшой редакционной правкой и с грифом "строго секретно" направили членам, кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК КПСС.

Но уже 5 марта был сделан следующий шаг, который по своим последствиям намного превзошел оглашение доклада на съезде. В связи с Постановлением Президиума на брошюре, рассылаемой в райкомы партии, оказался другой гриф: "не для печати". С докладом рекомендовано ознакомить коммунистов (свыше 6 млн. человек), комсомольцев (еще 18 млн), а также "беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников" (то есть практически всех, кто хотел и мог прийти на собрания, где зачитывался доклад) [Реабилитация... 2000, с. 414]. Поразительно, но современными публикаторами протокол заседания Президиума ЦК КПСС 5 марта не обнаружен. Скорее всего, решение приняли путем индивидуального опроса его членов, при котором каждый оказывался с Хрущевым один на один. В результате сообщенная делегатам съезда информация стала достоянием всей страны и крупнейшим событием ее общественно-политической жизни. Однако процесс пошел дальше. Текст доклада Хрущева был роздан руководителям "братских партий" и там размножен. По одной из версий, западный корреспондент купил экземпляр на варшавском рынке за 300 долл. В зарубежной печати информация о "секретном" докладе появилась уже в марте, а его полный текст - в июне 1956 г.

Чтобы уяснить через полвека, чем был и какую роль сыграл в дальнейшем развитии событий доклад Хрущева, необходимо обратиться к его содержанию - разоблачениям, истолкованиям и умолчаниям [Известия... 1989]. В процессе подготовки доклада Пospelов вспомнил, должно быть, свою установочную статью, которую он, будучи директором Института Маркса, Энгельса, Ленина - главного научно-исследовательского учреждения партии, - опубликовал в журнале "Вопросы истории" в ноябре 1953 г. Осторож-

ный отход от безудержных славословий в честь недавно почившего вождя уже был предreshен, и в статье Пospelова говорилось, насколько культ личности не свойствен марксизму-ленинизму и как против него неизменно высказывались Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. В докладе Хрущева было показано, как Сталин умело управлял кампанией восхвалений, переписывая историю и выпячивая свою роль. В таком подходе была и своя ограниченность. На деле сам культ личности был одним из побочных следствий самодержавной политической системы, так и не названной собственным именем. Самому эвфемизму "культ личности" была уготована долгая жизнь, причем и для обозначения совсем других явлений, что сыграло исключительно вредную роль. Ибо таким образом были очерчены границы, за которыми не допускались ни научные исследования, ни политические дискуссии.

Людей, десятилетиями воспитывавшихся в духе беспредельной любви и преданности великому вождю, доклад потряс. Разрушился и миф о "великой дружбе" Ленина и Сталина, использовавшийся в официальной идеологии. По решению Президиума делегатам раздали, а затем опубликовали известные, не раз оглашавшиеся на партийных форумах 1920-х гг., но впоследствии засекреченные ленинские документы, где основатель партии выражал весьма сдержанное отношение к "чудесному грузину". При этом разоблачения были четко канализированы, а в идеологическую нишу, которую занимал Сталин, был помещен мудрый и непогрешимый Ленин, в верности которому клялся каждый оратор на съезде. Политическим и эмоциональным ядром хрущевского доклада были факты о чудовищном терроре, лживых обвинениях, пытках, бессудных казнях. С высокой трибуны партийное руководство обещало: никогда более! И это было главным, с чем вошел в историю XX съезд КПСС: тоталитаризму, произволу была поставлена некая (пусть и нечеткая) граница, перейти которую впоследствии никто не решился.

В то же время отнюдь не были забыты и повторялись сталинские штампы об оппозиционерах как "реставраторах капитализма", "капитулянтах перед мировой буржуазией" и т.д. Более того, отмечалась "положительная роль" Сталина в подавлении внутрипартийной оппозиции 1920-х гг., хотя именно разгром оппозиции, по сути, открыл путь к установлению единовластия в партии и в стране. Само же отмежевание от вождей партии времен революции и гражданской войны, ставших оппозиционерами, отодвинуло не только их партийную, но и гражданскую реабилитацию более чем на 30 лет. Несколько подновленная версия фальсифицированной истории была санкционирована XX съездом.

Говоря о масштабах террора и преступлениях карательных органов, Хрущев обращался, в основном, к судьбе той части партийных лидеров и верхушки актива, которые ни в каких оппозициях не участвовали. Докладчик привел цифры, показавшие, что в годы "большого террора" было истреблено много делегатов просталинского XVII съезда 1934 г. и избранного на нем ЦК. Но за кадром остались иные цифры, уже содержавшиеся в материалах комиссии Пospelова: только в 1935 - 1940 гг. по обвинению в антисоветской деятельности было арестовано 1 980 635 человек, расстреляно 688 503 [Реабилитация... 2000, с. 137]. За исходную точку террора была взята середина 1930-х гг. В распоряжении докладчика имелись также данные о репрессиях, осуществлявшихся с 1921 г., предоставленные ему спецотделом МВД еще в декабре 1953 г. [Реабилитация... 2000, с. 76 - 77]. Но они не укладывались и в подновленную версию советской истории. Авторы доклада не могли огласить сведения о жестоких бессудных расправах в годы гражданской войны, о мятеже в Кронштадте и о крестьянском восстании в Тамбове, о последующих преступлениях режима: о разгроме деревни и истреблении самой работающей и перспективной части крестьянства в ходе коллективизации, о спланированном голоде 1932 - 1933 гг., погубившем миллионы крестьян Украины, Северного Кавказа и Поволжья [Конквест, 1988], о регулярных чистках "буржуазной интеллигенции", "спецов" и т.д. В результате дальнейшее продвижение процесса реабилитации, восстановления исторической правды, осмысления гражданами нашей страны сущности советско-большевистского режима было табуировано на три десятка лет.

Хрущев расширил рамки подготовительного текста комиссии Пospelова, включив в свой доклад некоторые факты о деяниях Сталина во время Великой Отечественной

войны и в послевоенные годы. Хотя в этой части изложение страдало некоторыми перефразами, легенде о "великом полководце и искусном дипломате" все же был нанесен тяжелый удар. Но не было сказано о провале предвоенной внешней политики Сталина, о фактическом соучастии СССР в начале Второй мировой войны на стороне гитлеровской Германии, о секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа, которые удалось извлечь из потаенных архивов лишь полвека спустя, о позорной войне с Финляндией, о Катыни и многом другом. А главное - был обойден вопрос о цене победы, о целях и средствах послевоенной советской политики в Восточной Европе.

Критике была подвергнута и национальная политика Сталина. Реабилитация репрессированных народов имела ничуть не меньшее значение и последствия, чем восстановление в правах политзаключенных. Сотням тысяч людей были возвращены гражданские права. Но смягчение режима для "спецпоселенцев" осуществлялось дозированно, и вернуться в родные места разрешили не всем. Было упомянуто "дело врачей", но в его изложении обошли главный вопрос - о государственном антисемитизме, в котором это провокационное дело стало лишь кульминационной точкой.

Самым больным для Хрущева и его коллег по Президиуму стал вопрос об ответственности за совершенные под руководством Сталина преступления. Объяснительная версия первых трех послесталинских лет ("во всем виноват Берия") долго продержаться не могла. Была выстроена новая цепочка ответственных: И. Сталин-Л. Берия-Н. Ежов и Г. Ягода (хотя еще 1 февраля Хрущев высказывал сомнения, следует ли в перечень включать двух последних, "наверное, честных людей") - "provokatory, пробравшиеся в органы госбезопасности, а также бессовестные карьеристы" [Президиум... 2003, с. 95, 97; Известия... 1989, с. 140].

Закономерно должен был возникнуть (и действительно, прозвучал на ряде партийных собраний) вопрос: какова же была роль руководящего состава Политбюро, почему он бездействовал? Понимая, что уйти от подобного вопроса не удастся, Хрущев сам его поставил. Его ответ прозвучал следующим образом. Во-первых, Сталина верили, с ним связывались наши победы, в нем видели "сильнейшего марксиста", его борьба с "извратителями и врагами ленинского учения" была необходима, поэтому он "завоевал популярность, симпатии и поддержку". Во-вторых - мы многого не знали (пройдет пять лет, и на XXII съезде узнают о расстрельных списках, визировавшихся членами Политбюро, - разумеется, теми из них, кто к тому времени окажется в опале). В-третьих, все вопросы Сталин решал сам, произвольно и выборочно привлекая или отстраняя членов Политбюро. В-четвертых - "обстановка ставила любого из членов политбюро в крайне тяжелое положение, все мы жили под угрозой ареста, и проживи Сталин еще несколько месяцев", кое-кого из нас в этом зале не досчитались бы [Известия... 1989, с. 161 - 164].

Беспомощность этих плохо согласованных друг с другом объяснений бросается в глаза. Однако из них, по сути, становилось ясно, что никакого Политбюро как органа, реально возглавлявшего партию и государство, не существовало. Избранные на съезде (фактически назначенные Сталиным) его члены в лучшем случае были доверенными собеседниками и порученцами диктатора. Более того, это была идеальная и естественная модель организации большевистской власти. Она и теперь неумолимо шла на смену "коллективному руководству" межвременья. И хотя к законченной сталинской модели ("необъятная власть" лидера) [Ленин, т. 45, с. 345] партия и страна так и не вернулись, тем не менее попытки воспроизвести ее неоднократно предпринимались. Таков был этот противоречивый, обошедший немало острых углов, но, вероятно, содержавший максимум того, что можно было сказать при существовавшем раскладе сил в партийном руководстве, и для своего времени, несомненно, выдающийся доклад.

Как видно, исторические решения принимались после недолгих споров в предельно узком кругу высшего партийного руководства. И Пленум ЦК КПСС, и сам съезд выполнили в съездовском спектакле роль даже не древнегреческого хора: к ним больше подходит злое определение Л. Троцкого - "голосующая баранта". Поставив в повестку дня доклад "О культе личности" после выборов нового ЦК КПСС, режиссеры съезда обеспечивали запас прочности, в котором не было необходимости. Ибо ничего другого

На съезде преобладали люди, политически сформировавшиеся при Сталине, сталинисты по образу мыслей, установок, поведения. Делегаты, прежде чем попасть на съезд, были "выварены" в тех котлах "подбора и расстановки кадров", которые не имели ничего общего ни с демократией, ни даже с формально провозглашенными принципами "демократического централизма". Показательно, что и вновь избранный ЦК КПСС на 70% состоял из отобранных в его состав еще сталинскими кадровыми службами на XIX съезде [XX съезд... 1956, с. 500 - 503; Центральный... 2005, с. 27 - 29].

И все же историческое значение XX съезда КПСС и того, что произошло сразу после него, едва ли можно переоценить. Прежде всего это ускорение процесса освобождений и реабилитаций. Сотни тысяч людей вышли на свободу, миллионам было возвращено доброе имя. Видимо, процесс этот, начатый еще до съезда, продолжался бы в любом случае, но если бы он шел дозированно, как настаивали оппоненты Хрущева, не был бы заявлен громко, его влияние на нравственное оздоровление общества оказалось бы значительно меньшим. Как сказала в марте 1956 г. А. Ахматова, "теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха" [Чуковская, 1996, с. 147]. Заслуга Хрущева в том, что этот обмен взглядами не прошел потаенно.

Сталинская машина подавления и террора не была демонтирована, а лишь отведена на запасный путь. Еще при Хрущеве и в особенности после его смещения не раз возникало искушение запустить ее вновь - на этом настаивали влиятельные лица в высшем политическом руководстве. И в том, что преследование теперь уже не мнимых, а, как правило, действительных противников режима осуществлялось выборочно, более тонкими (хотя подчас не менее изуверскими) средствами, немалая роль принадлежит разоблачениям, прозвучавшим на съезде, а затем на сотнях тысяч "читок доклада". После этого вернуть время, когда органы государства в массовом масштабе истребляли граждан собственной страны, оказалось невозможно. Впрочем, в этом не было и особой необходимости: XX съезд сработал на просвещение следующих поколений руководителей страны. Ведь одним из главных мотивов, побудивших даже сталинистов в Президиуме в конечном счете согласиться на разоблачение сталинских преступлений, был вполне обоснованный страх, что жертвами массового террора могут стать и они сами. Судьба многих исполнителей сталинской воли помнилась еще очень отчетливо.

Дальнейшее развитие событий зависело, во-первых, от того, как будут складываться отношения в узком кругу высших партийных иерархов и как далеко они готовы пойти по пути десталинизации. Во-вторых, как на всю эту информацию отреагирует многомиллионная, "внешняя", по Дж. Оруэллу, партия. И в-третьих, как поведет себя общество.

Дважды в XX в. перед страной открывалась возможность вырваться из исторически накатанной колеи и встать на путь демократического, европейского развития. Впервые - в 1950-х гг. По прошествии многих лет, с учетом того, что действительно произошло, такая возможность для того времени может показаться иллюзорной. Кризисные явления в экономике, в социальных отношениях, в культуре, в международном положении государства еще только начинали обозначаться. Система сохраняла колоссальный запас прочности. Поэтому произошел наиболее вероятный, но, на мой взгляд, не единственно возможный вариант развития событий.

Опыт 1950 - 1960-х и 1980-х гг. показал, что попытки выхода из тоталитарного режима, не "подпертого" штыками извне и не потерпевшего военного поражения, могут быть изначально инициированы только из ядра системы. Дальнейшее развитие (продолжение реформ или откат от них) зависит от множества обстоятельств, но первые импульсы должны исходить от верхушки властной пирамиды, точнее - от лидера. Хрущев - если не единственная, то, безусловно, главная моторная сила начавшихся перемен - не получил свою власть от предшественника. В течение нескольких лет он шаг за шагом утверждал ее, оттесняя своих сотоварищей по "коллективному руководству".

Многое узнав и поняв в последние годы жизни Сталина и, в особенности, после его смерти, Хрущев, хотя и прошел школу коммунистической догматики в ее самом упро-

ценном, примитивном виде, что наложило неизгладимый отпечаток на его воззрения, оказался смелее и решительнее более образованных коллег в преодолении параноидальных проявлений сталинского режима. Его мотивы нередко объясняют тем, что, раскрывая преступления недавнего прошлого, Хрущев подготавливал отстранение от власти своих соперников, более него повинных в репрессиях. Если это и так, то нельзя упускать из вида, что он, и без того преуспев в позиционной борьбе первых послесталинских лет, серьезно ослабив политические позиции Молотова, Маленкова, Кагановича - главных своих оппонентов, шел теперь на колоссальный риск³. Будь его противники более решительны, прозорливы и сплоченны, они попытались бы до съезда сместить Хрущева, что им почти удалось 15 месяцев спустя. Я думаю, что мотивы Хрущева были более сложными. В них присутствовали не только прагматика, но и нравственность, и чувство исторической ответственности. Сама выстроенная при Сталине система таких лидеров не вырабатывает или, во всяком случае, не допускает их на верхние ступени пирамиды. Они появлялись вопреки действующему в ней естественному и противоестественному отбору претендентов на лидерство.

Разумеется, Хрущев не осознавал масштаб и содержание вырисовывавшихся перед страной проблем, как не предвидел результатов своих действий. В этом еще не было беды. (То же самое можно сказать о М. Горбачеве, провозгласившем перестройку.) Беда была в том, что Хрущев остановился, как только стали разворачиваться неконтролируемые процессы. В отличие от Горбачева он не сумел развиваться вместе с событиями: на первые признаки пробуждения общества стал отвечать по-сталински, хотя и без сталинской свирепости. Многие в начавшееся "подмораживание" вносили и его коллеги по Президиуму, и огромный партийно-государственный аппарат, сохранявший дух уходящей эпохи. Уже в апреле 1956 г. палица партийных репрессий обрушилась на головы тех, кто стал задавать вопросы, сознательно и бессознательно обойденные в знаменитом докладе, а в конце года возобновились политические аресты. На события в ближайшей периферии Хрущев тоже реагировал по-сталински: в Польше - грубыми угрозами, в Венгрии - интервенцией. Весь хрущевский период только в свете последующего этапа развития страны представляется "оттепелью". Более пристальный взгляд позволяет увидеть, как кратковременные "потепления" сменялись "морозами", и вся государственная политика варьировалась в ритме: вперед-стоп-назад.

Характерным примером могут служить эпизоды развернувшейся в 1956 - 1957 гг. "битвы за историю". В идеократическом государстве, каким был СССР, особое внимание всегда уделялось идеологическому контролю вообще и освещению истории в частности. На XX съезде прозвучали несколько критических замечаний в адрес сталинского "Краткого курса" истории партии - своего рода энциклопедии исторических фальсификаций. Несмотря на периодические чистки, в научных учреждениях и в печати сохранились люди, которые всерьез восприняли критику официальной догмы и попытались пойти чуть дальше сказанного с высокой трибуны. Эти попытки идеологическим аппаратом партии воспринимались чрезвычайно нервно.

Новые веяния отчетливо проявились в единственном в то время общесоюзном историческом журнале "Вопросы истории", во главе которого стояли член ЦК КПСС академик А. Панкратова и Э. Бурджалов. В 1956 г. журнал опубликовал ряд статей, ни в коей мере не посягавших на идеологические устои, но сообщавших читателю позабытые факты. Выяснилось, например, что в партийных дискуссиях после февраля 1917 г. Сталин вместе с Л. Каменевым выступал против позиции Ленина, что в руководстве Петербургского совета в 1905 г. ключевая роль принадлежала меньшевикам, что в революции 1905 г. происходило сближение позиций рабочей и буржуазной демократии и т.д. Чуть дальше пошли участники проведенной журналом в июне 1956 г. конференции истори-

³ М. Горбачев, хорошо знакомый с нравами партийной верхушки, говорил о "политическом мужестве Хрущева, когда он начал разоблачение преступлений сталинского режима" [XX съезд... 1996, с. 6].

ков в Ленинграде: официальные фальсификации истории были атакованы по широкому фронту.

Ответ не заставил себя ждать. В разгромных статьях, помещенных в главных партийных изданиях [Коммунист, 1956; Партийная... 1956; Ленинградская... 1956], в серии проработок в ЦК КПСС. Не было секретом, что за спиной безвестных авторов этих статей стояли высокопоставленные сталинисты. Позиции руководителей "Вопросов истории" перед их лицом были неизмеримо слабее. На ряде инсценированных собраний журнал подвергнули жестоким проработкам. Разгром довершило постановление ЦК о журнале "Вопросы истории", вменившее ему в вину "тенденцию отхода от ленинских принципов партийности в науке". Состав редколлегии основательно изменен, Бурджалова изгнали, новая редакция резко изменила курс. Через несколько дней после подписания очередного номера журнала, "полного раскаяния и самобичевания", уже тяжело больная Панкратова умерла [Смирнова, 1997]. На некоторое время "идеологическая дисциплина" в исторической науке была восстановлена.

Если не оправданием, то некоторым объяснением скованности Хрущева на пути десталинизации могут служить не только его личные качества, приобретенные в школе партийного воспитания, но и абсолютная неготовность партии, и прежде всего ее верхушки, к переменам. Когда зашаталась привычные устои, политика Хрущева вообще, и XX съезд КПСС в особенности, в представлениях этих людей стали выглядеть источниками всех бед и напастей. Раздражение и ненависть к "волюнтаристу" шли рука об руку с реанимацией сталинского мифа. Один из деятелей позднейшего руководства Д. Устинов выражал настроения широких слоев партийной бюрократии, когда говорил: "Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина... В оценке деятельности Хрущева я, как говорится, стою насмерть. Он нам очень навредил" [Реабилитация... 2003, с. 539 - 540].

Прошло три десятилетия, советская система вступила в полосу общего кризиса, и партийная верхушка, в которой решались кадровые вопросы, вновь выдвинула неорганичного для нее лидера. Значительно более культурного и образованного, а потому и более адаптивного к ходу событий. Лично не запятнанного кровавыми репрессиями, а главное - способного извлекать уроки, которые преподносила жизнь.

Горбачеву досталась партия, прошедшая глубокую трансформацию. В ней сформировались и заявили о себе различные, подчас враждебные друг другу идеологические группировки. Как только были обозначены новые цели и отключены репрессивные механизмы, некоторые из этих группировок обрели политические очертания и организующие центры, а сама партия по сути стала многопартийным образованием. В отличие от Хрущева, который в Президиуме имел лишь одного убежденного союзника (Микояна), вокруг Горбачева сложилась команда и в высшем политическом руководстве, и, в особенности, в лице привлеченных им помощников и влиятельных лидеров общественности. Некоторые из них намеревались идти дальше Горбачева.

Замысел Горбачева заключался в том, чтобы использовать партию - одну из несущих конструкций тоталитарной системы - для эволюционного, мирного ее демонтажа. Это не было иллюзией. Поскольку власть и влияние генерального секретаря были колоссальны, проперестроечные течения в партии быстро набирали силу, а невятно заявленные поначалу цели перестройки отвечали устремлениям значительной части партийного руководства и актива, Горбачеву удалось, опираясь на партийные механизмы, существенно продвинуть вперед процессы демократизации и высвобождения независимых общественных сил. От попыток провести дозированные, прежде всего экономические, реформы он перешел к реформам политическим, которые взорвали партию и породили независимых субъектов политического процесса. Горбачев, однако, не заметил, когда и в партийном аппарате, контролировавшем значительную часть организаций, и в высшем партийно-государственном руководстве сложилась мощная оппозиция дальнейшему продвижению реформ и лично генеральному секретарю. Партия как таковая перестала быть инструментом преобразования общества. На мой взгляд, капитальная

ошибка Горбачева заключалась в том, что он в ответ не расколол партию, не объединил ее реформаторскую часть на платформе современной социал-демократии и не ее повел за собой, уступил лидерство в демократических преобразованиях иным силам. Даже осознав необходимость такого шага, он его слишком долго откладывал. Партия не разъединилась, а рухнула, и это повлекло за собой немало трагических последствий.

Если говорить об обществе, то при Хрущеве оно было незрелым, далеко не преодолевшим наследия сталинизма - страха, нерассуждающей веры, деморализации, пассивности. Шок от прозвучавших разоблачений оказался сильным, но кратковременным. Хрущев и его преемники вскоре убедились, что управляемость подобного общества можно сохранять, соблюдая его информационную изоляцию и прибегая лишь к выборочным и ограниченным репрессиям.

Реформаторской команде Горбачева довелось действовать в ином обществе. Оно, конечно, подверглось серьезному разложению, порожденному временем позднего брежневизма (широко распространились безверие, потеря каких бы то ни было идеалов, утрата трудовой морали, цинизм, коррупция, фарисейство и т.д.). Все это не могло не найти отражения в наступивших переменах.

Но в обществе формировались и конструктивные силы. Оценив поступившие сверху сигналы, они вскоре заявили о себе как о самостоятельном факторе преобразований. Обрушилась идеократическая модель "партии-государства". В новой России чуть позднее была принята Конституция, не лишенная серьезных дефектов, но все же зафиксировавшая права и свободы человека и гражданина на уровне передовых демократических стандартов, идеологический плюрализм, многопартийность, федерализм и разделение властей. Стал формироваться рынок, основанный на автономии хозяйствующих субъектов. Возникли независимые от государства СМИ, общественные организации и т.д. Казалось, переход на демократический путь развития стал необратим.

Можно только поражаться тому, как круто и быстро затем развернулась реставрация авторитарного строя в России и большинстве бывших республик СССР. На глазах прорастает до боли знакомая социально-политическая модель: многовластный лидер - доминирующая в центре и регионах партия (в ином идеологическом оформлении, но все тот же "приводной ремень") - политически пассивное общество. Многие достижения перестроечных и первых постперестроечных лет оказались утрачены, демократическое законодательство подправлено или обращено в фикцию, на месте парламента, суда, общественных институтов возникли муляжи, а бизнес и основные СМИ поставлены под контроль государства. Общество впадает в состояние анабиоза и позволяет власти манипулировать собой даже тогда, когда явным образом нарушаются его интересы. Разными способами, в том числе напоминающими методы работы спецслужб прошедшего времени, открыто подавляется активность независимых общественных организаций. Возрождается даже сталинский миф, который начал рушиться при Хрущеве и, как казалось, был добит при Горбачеве. На вопрос: существуют ли такие действительные или мнимые достижения и ценности, во имя которых можно оправдать (или забыть) террор и уничтожение генофонда нации, значительная часть наших сограждан (многие из которых на рубеже 1980 - 1990-х гг. шли на выборы и демонстрации, сокрушившие коммунистический тоталитаризм) теперь, не задумываясь, отвечают: да! Не приходится удивляться и тому, что наше государство не спешит отметить полувековой юбилей исторического партийного съезда.

Итак, две попытки выхода за пределы исторического стереотипа существования нашего общества в XX в. не удались. В первом случае - воля и действия реформаторов оказались ограниченными, а общество не сумело выдвинуть силы, способные перехватить инициативу и власть. Во втором - такие силы возникли, но их способ реформирования экономики и общества оказался во многом деструктивным. Так был не только перекрыт путь дальнейшим демократическим преобразованиям, но и многое из того, что как будто уже вошло в жизнь, оказалось обратимым, а власть плавно перешла к силам реставрации.

И тогда возникают вопросы. Почему не удались столь многообещающие преобразования, и мы во второй раз наступаем на те же грабли? Что же мы за страна, которая не умеет усвоить уроки собственной истории? Сколь продолжительной может оказаться понижающая фаза наступившего исторического цикла? Будет ли выход из нее происходить по уже известному алгоритму? Если мы не ответим на эти вопросы, наше общество окажется застигнутым врасплох в третий раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1 - 2. М., 1956.

XX съезд: материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.

Вопросы истории. 1953. N11.

Известия ЦК КПСС. 1989. N 3.

И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998.

Коммунист. 1956. N 10.

Конквест Р. Жатва скорби. Лондон, 1988.

Ленин В. И. Письмо к съезду // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленинградская правда. 1956. 5 августа.

Микоян А. Так было. М., 1999.

Партийная жизнь. 1956. N 14.

Президиум ЦК КПСС. 1954 - 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003.

Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 2 т. Т. 1. Март 1953-февраль 1956. М., 2000.

Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 2 т. Т. 2. Февраль 1956-начало 80-х годов. М., 2003.

Смирнова Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

Таубман У. Хрущев. М., 2005.

Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997.

Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917 - 1991. Историко-биографический справочник. М., 2005.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. В 2 т. Т. 2. СПб. -Харьков, 1996.